

белой пеной одевает землю по самому краю, я брошу мои фиалки – мой дар Персивалу» (555).

Представления Вулф о сакральной природе женских действий приобретают статус авторской универсальной формулы фемининности: в картине мира романа Вулф нет героинь столь незначительных, чтобы они не смогли осуществить природный дар «художницы жизни». Для романа «Волны» не характерна непосредственная фиксация ритуальной образности, подход Вулф скорее можно назвать ревизионистским переосмыслением мифологического сюжета или образа.

Литература

Goldman J. The Feminist Aesthetics of Virginia Woolf: Modernism, Post-Impressionism and the Politics of the Visual. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Ingman H. Religion and the Occult in Women's Modernism // The Cambridge Companion to Modernist Women Writers: Kindle Edition / ed. by M. T. Linett. New York: Cambridge UP, 2010.

Kronenberger L. New York Times Book Review, 25 October 1931 // The Critical Heritage: Virginia Woolf / ed. by R. Majumdar, A. McLaurin. N.Y.: Taylor & Francis e-Library, 2003. P. 273–275.

Love J. O. Worlds in Consciousness: Mythopoetic Thought in the Novels of Virginia Woolf. Berkeley: University of California Press, 1970.

Вулф В. Волны / пер. с англ. Е. Суриц // Вулф В. Миссис Дэллоуэй. На маяк. Орландо. Волны. Флаш. Рассказы. Эссе. М.: НФ «Пушкинская библиотека»: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 469–628.

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: АСТ, 1997.

К.С. Когут

ОБРАЗ ИНОПЛАНЕТАН В ТВОРЧЕСТВЕ А.В. ИВАНОВА

Пристальное внимание литературоведов и критиков к творчеству Алексея Иванова¹ в последние несколько лет обусловлено особым ритмом его прозы, художественно воплощенном в поэтике геоистории, что уже отмечалось в ряде работ². Нас будет интересовать не столько феномен зрелого художника, сколько его ранние повести, написанные в 1990-е годы, в которых, как мы полагаем, и происходит формирование его поэтики.

Мы будем говорить о первых и, местами, несовершенных произведениях А. Иванова, однако уже в них отражены зачатки первоначальной художественной интуиции, которые найдут свое место в становлении зрелого писателя. Обращаясь к ранним фантастическим повестям, среди которых «Земля-Сортировочная» (1991), «Корабли и Галактика» (1991), нельзя не заметить, что фантастическая жанровая доминанта, выраженная постоянным повторением образов инопланетян, задает не столько сходство данных текстов, сколько их различие. Более того, мы полагаем, что именно «разность» этих произведений и будет определять логику художественного мышления автора.

Фабульная основа «*Земли-Сортировочной*» проста: поселок «Сортировка», не выделяющийся ничем среди прочих, оказывается местом пребывания внеземной цивилизации. Более того, присутствие инопланетян, на взгляд одного из жителей поселка, вписывается в «привычный» уклад жизни: «*Пришельцы у нас своими делами занимались и к людям не вмешивались*» (9)³. Фантастическая условность разворачивающихся в повести событий достигается за счет авторской иронии: первая же глава обозначает образ автора-повествователя. Его реплики завершают каждую главу, подводя итог описанным событиям в форме постскриптума: «*Я, наверна, неправильно сделал, что повистуху начел так просто. У настоящих писателей вот*

---

¹ Назовем наиболее крупные, на наш взгляд, работы, которые частично или полностью посвящены творчеству автора: [Абашев, Абашева 2012: 57-72], [Кукулин 2007: 302-330], [Липовецкий 2008], [Хрящева 2011: 194-198].

² См., напр.: [Абашев, Абашева 2008: 219-232], [Подлесных 2008].

³ Здесь и далее цит. по: [Иванов 2008] с указанием страниц в круглых скобках.

сначала ничево непонятна. Все кудато прячуца, грусьят, и ктото до этово погиб. Ну, ладно, у меня, может, творческая манера другая, без выкрутасов. Я четателей заинтересовать не собираюс. Не захочут так четать — сами дураки, и все. Зато у меня взаправду было» (10). Обращаясь к изображению инопланетян, автору почему-то важно подчеркнуть собственное отличие от своих современников («зато у меня взаправду было»), что дано в ироническом контексте. Однако почему акцент делается на безграмотности автора-повествователя, а главное – как это связано с его попыткой изобразить правду? Для ответа взглянемся в изображаемые им события.

Инопланетяне не просто вписываются в установившийся распорядок жизни поселка, а практически уничтожают разницу между внеземным и земным разумом, отменяют различие между «своим» и «чужим».

Герой обнаруживает, что инопланетяне могут существовать в головах людей, и сам переживает такое соединение:

– Я здесь, – моим голосом, моим языком ответил кто-то, забравшийся в мою башку, я подпрыгнул. – Погоди, дай освоиться...

– Эй, кто там?! – спросил теперь уже я.

«Не пугайся, мальчик, – прозвучал голос в моем уме. – Я майор безопасности галактической диктатории Фанфар Бабекус. Я не сделаю тебе ничего плохого».

– Какой диктатории?.. – чувствуя, что я уже где-то слышал об этом, спросил я.

«Да-да, мой друг и соратник. Наш негодный агент Дмитрий Карасев уже всем разболтал. Мы ведем справедливую войну с мятежниками, которые выступили против диктатора. А ты мне поможешь».

– Идите вы на фиг! – закричал я. – Не хочу я вам помогать! Вылезайте из меня живо!.. (47).

В процитированном фрагменте происходит первая встреча героя с инопланетянином. В контексте изображенной встречи «мерцает» социокультурная ситуация 90-х годов: несмотря на то, что фильм «Люди в черном» (1997), использующий в своей основе мысль о возможности инопланетян вселяться в людей, вышел только 6 лет спустя после написания повести, комиксы

Лоуэлла Каннингама, по мотивам которых и был снят фильм, выпускались уже с 1990 года¹.

Следует при этом понимать, что А. Иванов не дублирует фантастические сюжеты, а приближает образ инопланетян к уровню людей, тем самым уравнивая их внешний облик, делая фантастической только их номинацию. В «войне с мятежниками» нетрудно увидеть исторические реалии 90-х годов, связанные с забастовочной активностью и повышением преступности². Реальные исторические контуры приобретает и описание инопланетян:

Андроидов было штук тридцать. Они выглядели в точности как новомыквинские мужики – в сапогах или ботинках, в замасленных штанах с пузырями на коленях, в кургузых пиджаках с подвернутыми манжетами, в цветастых рубашках, расстегнутых на груди, с небритыми рожами, почти все, кто не лыс, нечесаные, и все, даже лысые, в подплатии. Короче, с виду нормальные люди (85).

Уравнивая человеческий облик с инопланетным, Иванов наделяет пришельцев теми же привычками: желанием выпить. «Только вот пьянь они изображали чуть-чуть не так». Однако это не мешает автору-повествователю сделать вывод: «...с виду нормальные люди».

Перед нами не просто соединение реального и фантастического планов, привычных для жанра фантастической повести. В «Земле-Сортировочной» оба плана «накладываются» друг на друга по принципу монтажа, потому повествование постоянно колеблется между изображением жизнеподобных картин и вымыслом, причем ни один из этих полюсов не оказывается завершенным. Отметим, что оборотничество здесь не является миромоделирующей доминантой, а выступает художественным приемом, создающим некоторое колебание в повествовательной структуре: милиционер Лубянкин является одновременно и человеком, и инопланетянином, который также

---

¹ Более того, научно-фантастическая кинокартина «Звездные войны», включающая в себя 6 фильмов, выходила уже с 1977 года, а пик популярности пришелся именно на 90-е годы, когда уже была снята оригинальная трилогия (4–6 фильмы).

² См. об этом: [Кацва 2003: 238-242].

является милиционером, но уже не на Земле, а в своей Вселенной.

С одной стороны, перед нами ориентация повествователя на устный «сказ», что является чертой жанра фантастической повести¹. С другой – рассказчик стремится зафиксировать то, как всё было «взаправду», т. е., пытается записать историю Сортировки. У автора-повествователя особое отношение к истории: она для него имеет особую ценность: *«Короче, в стране о нашей истории мало знают, и я решил написать ее ну типа как повесть научно-фантастическую»* (7). Внимание к истории, «мерцающее» на страницах повести, является тем импульсом, который уже затем обернется в творчестве зрелого художника целой поэтикой, основанной на особом чувстве родной земли как истории: в романах «Географ глобус пропил», «Сердце Пармы» история будет проявлена событиями и судьбами, память о которых хранит пространство. Однако в «Земле-Сортировочной» история еще не рассказана и не записана. Нет и пространства, за которым эта история должна закрепиться. Однако сама попытка художественно воссоздать историю никому неизвестного села Сортировка уже является знаком начала зарождения уникального авторского стиля, поисков поэтики, адекватной его эстетическому замыслу. Образы инопланетян и – шире – внеземной цивилизации как бы расширяют диапазон этого поиска: автор ищет «свое» пространство не только на планете Земля, а во всей Галактике в целом. Наиболее существенно это будет проявлено в другой повести.

«Корабли и Галактика» представляют собой новый этап авторской саморефлексии. Если в «Земле-Сортировочной» А. Иванов занимается конструированием своего фантастического сюжета, то в «Кораблях и Галактике» он вглядывается в эту фантастику, открывает в ней ту самую

---

¹ «...Образуются некоторые жанровые черты, присущие фантастической повести. Это, во-первых, установка на устную речь, на устный „сказ“, охотнее и чаще, чем на письменную, литературную в собственном смысле форму» [Измайлов 1973: 140].

незаписанную никем историю. И именно здесь художник совершит первые важные шаги в уяснении ее смысла.

Фантастический сюжет остается тем же, но перемещается в открытый космос, где стирается граница между инопланетянами и людьми. Образовывая империи, люди и пришельцы также уничтожили разницу между «своим» и «чужим»: человек для пришельца такой же инопланетянин, как и пришелец для человека. Однако А. Иванов уже перестает столь внимательно вглядываться в жизнь инопланетян, его интересует разница между ними. Об этом свидетельствует уже начало повести, где герой по имени Навк пытается починить космический корабль перед нашествием враждебных им пожирателей металла дьярв. Караван, не желающий рисковать, теряя время на починку, бросает корабль. Однако в данной ситуации Навк предпочитает остаться с кораблем, нежели продолжить путь с караваном. Чем обоснован его выбор?

Понимаете, этот корабль очень древний. Для нас, для людей, он представляет историческую ценность. Нельзя его бросить здесь! Я сумею починить его за три часа, я немного разбираюсь в этом...

– Понятие «историческая ценность» в моей памяти не содержится, – бесстрастно ответил лидер-механоид (284).

Перед нами одно из самых емких определений разницы между людьми и пришельцами, определяющее приемы моделирования образов инопланетян в фантастических повестях А. Иванова: несмотря на внешнюю идентичность, оборотничество, пришельцам чужды те ценности, которые ощущает человек. Например, «историческая ценность». Переживший не одно странствие по космосу и не одну битву корабль оказывается для героя важнее, чем судьба всего каравана и, что немаловажно, собственная жизнь. Ведь именно этим выбором Навк обрекает себя на нелегкое путешествие по Галактике.

В ходе этого путешествия герой открывает для себя суть исторической ценности. Странствуя от одной планеты к другой, он обнаруживает на каждой из них следы настоящей истории:

Вся Мгида была многотысячелетним некрополем, где обрели покой и последний приют столько кораблей и капитанов, что это не вмещалось

в сознание. Время заносило их песками, их оплетала прань и точила вода, металл ржавел и рассыпался, истлевали тела, но сам воздух, напоенный запахом вечности, хранил память обо всех, кого поглотила Мгида. В дымке этой вечности перед застывшими ликами былых эпох измученные души переставали ныть, отпуская боль, израненные сердца прекращали метаться в груди, словно птицы, попавшие в ловушку (469).

Никому не известная земля Мгиды начинает «дышать» своей многотысячелетней историей, которая ощущается даже в воздухе: «воздух ... хранил память обо всех...» Мощнейшая энергия истории, заключенная в бесконечном потоке судеб, не только превратила Мгиду в «некрополь», а заново оживила планету так, что души умерших сумели «отпустить боль». Но память об их жизнях никуда не делась:

Навк и Дождилика шли сквозь прань, и словно вся история Галактики, разбитая на фрагменты и смешанная беспорядочной мозаикой, проплывала перед их глазами. Одни события были знакомыми, ясными, другие же непонятными, странными; что-то пугало, что-то манило; сердце то застывало в смутной печали перед тенями ушедших времен или же вдруг пело, точно при звуке слов старой и давно любимой сказки. Бесконечная вереница судеб, страстей характеров, событий каждый раз завершалась одним и тем же – смертью и покоем в прани...» (473).

Несмотря на то, что герои увидели не всю планету, а только ее леса («прань»), эти леса пробудили в их душах ощущение непреходящих ценностей прошлого, содержащихся в недрах этой древней земли. Невольно напоминая читателю географа Служкина и его учеников из романа «Географ глобус пропил», они также отправляются в далекий путь-странствие, словно в тайгу, чтобы понять для себя самое главное так, что «сердце то застывало ... или же вдруг пело». В этот момент герои проживают сразу множество жизней: собственная судьба окликается памятью этих мест.

Навк поймет, что *«от смутного величия этого неумолимого исхода душа содрогалась, освобождаясь от груза лживых трагедий»* (473). Однажды ощутив дыхание великого прошлого, человек не сможет забыть его. Та же мысль перейдет

в роман «Географ глобус пропил» спустя несколько лет: Служкин, находясь в тайге с учениками, поймет ту же истину: *«Здесь жили великие народы, о которых человечество уже давно забыло. Здесь были крепости, каналы, капища. Были князья, жрецы, звездочеты, поэты. Шли войны, штурмами брали города, могучие племена насмерть дрались среди скал. Все было. И прошло»* [Иванов 2009: 292]. Однако сходство это достаточно условное. В «Кораблях и Галактике» А. Иванов, несомненно, приближается к геоисторической поэтике, заявленной в его последующих романах. Следует уточнить, что приближение это достаточно неявное, связанное с первым художественным импульсом, обозначающим первые авторские поиски индивидуального стиля. Но для того, чтобы космоистория (история космоса) локализовалась в геоисторию (историю земли), автор и пытается найти нужный ему угол зрения на прошлое. Этим и обусловлены его фантастические сюжеты, наполненные образами инопланетян, андроидами, механоидами и людьми.

Таким образом, поэтика зрелого А. Иванова формируется не только в «подготавливающих» поэтику геоистории текстах («Общага-на-Крови», «Географ глобус пропил»), а заявляет о себе уже с самых первых произведений. Тиражирование фантастических сюжетов, установка на развлекательность здесь соединены с напряженным внутренним поиском авторского «я». Результатом этого поиска становится опора на прием оборотничества: человек и инопланетянин постоянно меняются местами. Однако чем ближе автор всматривается в образы инопланетян, тем очевиднее становится и их различие: «историческую ценность» имеет отнюдь не инопланетянин, а человек, ибо он способен ощутить даже чужую ему землю как историю, способную заставить душу содрогнуться. Автор ищет то пространство и тех героев, которые отвечали бы его историческому видению, а точнее те образы, в которых оно смогло бы преломиться как геоисторическое. Художественной реализацией этих поисков становится космоистория как первый шаг автора к формированию геопэтики, оформившейся в поздних произведениях писателя.

Литература

Абашев В.В., Абашева М.П. Поэзия уральского пространства в прозе Алексея Иванова // Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. С. 57-72.

Абашев В.В., Абашева М.П. Чужие сны о Мяндаше (конспект о поэтике Алексея Иванова) // Семантическая поэтика русской литературы. К юбилею профессора Наума Лазаревича Лейдермана: сб. науч. тр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. С. 219-232.

Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973.

Иванов А.В. Географ глобус пропил. СПб.: Азбука-классика, 2009.

Иванов А.В. Земля-Сортировочная: сборник повестей. СПб.: Издательство «Азбука-классика», 2008.

Кацва А. Россия 1990-х: Протестное движение // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 238-242.

Кукулин И. Героизация выживания // НЛО. № 86. 2007. С. 302-330.

Липовецкий М.Н. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: НЛО, 2008.

Подлесных А.С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008.

Хрящева Н.П. Мотив образования в архитектурном тексте романа А. Иванова «Блуда и МУДО» // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы: материалы XV научно-практической конференции словесников. Екатеринбург, 2011. С. 194-198.